

*Меньшиков И. И.,
доктор филологических наук,
профессор кафедры общего и славянского языкознания
Днепропетровского национального университета имени Олеся Гончара*

РЕЧЕВАЯ ИНТЕНЦИЯ И КОММУНИКАТИВНОЕ ЗАДАНИЕ ВЫСКАЗЫВАНИЯ

Аннотация. Речевая интенция и цель высказывания образуют неразрывное единство, но представляют собой разные лингвистические явления, первое из которых категориально проявляется в плане содержания, второе представляет собой главным образом план выражения, форму предложения с варьируемым его коммуникативным заданием.

Ключевые слова: речевая интенция, цель высказывания, план содержания, план выражения, форма предложения.

Постановка проблемы. В общем случае под интенцией (и это фиксирует «Большой толковый словарь современного украинского языка») понимается направленность сознания на определённый объект; намерение, замысел, конкретная направленность психической активности человека на некий объект [3, с. 500]. В «Советском энциклопедическом словаре» интенция определяется как намерение, цель, направление или направленность сознания, воли, чувств на какой-либо предмет [12, с. 495]. В философии в таком же смысле используется термин интенциональность (тоже от лат. *intentio*), что, как и при общем толковании интенции, означает направленность сознания на предмет, своеобразное полагание предмета в мысли; специфическое свойство сознания, выражающее его сущность [16, с. 291]. В психологии несколько иная акцентация направленности интенции, и толкуется интенция как любое желание, план, цель, задача или убеждение, которые ориентируются на некоторую цель, некоторое конечное состояние [2, с. 320]. Цель при этом, по-видимому, может быть сведена, как это принято в логике, к тому, что представляется в сознании и ожидается в результате определённым образом направленных действий [5, с. 586].

В психолингвистике и лингвопрагматике, как это указано в «Полном словаре лингвистических терминов», составленном Т.В. Матвеевой, интенция квалифицируется как субъективное желание говорящего строить высказывание с определённой целью, как коммуникативное намерение, целевая установка. Интенция, как считает автор указанного словаря, формируется под влиянием мотива – доречевого психологического импульса речевой деятельности. Хотя коммуникативное намерение и получает некую речевую экспликацию, оно остаётся в большей степени психологическим, нежели лингвистическим феноменом. Интенция принадлежит отправителю речи и в силу неявной речеповеденческой оформленности в значительной степени остаётся «вещью в себе», малопроницаемой для восприятия [7, с. 129–130].

Лингвисты при толковании интенции оперируют более конкретными категориями и прямо связывают это понятие не столько с неким предметом, сколько с целью, или коммуникативным заданием, высказывания. Так, в «Лингвистической энциклопедии» Е.А. Селивановой интенция определяется как

предшествующее словесному, осмысленное намерение (цель) говорящего, обуславливающее коммуникативные стратегии, внутреннюю программу речи и способы её реализации. Интенция является основным структурным признаком сознания и любого его акта [11, с. 203].

Некоторые лингвисты при этом в понятие интенции вкладывают несколько суженное содержание, сводя, как это делает А.М. Ломов, весь комплекс проблем, касающихся соответствующего понятия, по сути своей, только к речевой, или коммуникативной, интенции, которая определяется как присущая предложению направленность на достижение определённой задачи общения; намерение, предположение сделать что-нибудь, желание, замысел. При этом три основных вида коммуникативной интенции обобщены русской грамматикой в синтаксической категории целевого назначения, различающей повествование, вопрос и побуждение. Остальные виды интенции выражаются неграмматическими средствами [6, с. 126].

В.Д. Стариченок тоже толкует речевую (коммуникативную) интенцию как целевую установку речевого акта, замысел, намерение говорящего, но полагает, что степень реализации речевой интенции, а соответственно, и возможность осуществить речевой акт зависят от уровня владения языком, от умения использовать экспрессивно-стилистические и образные возможности языка, а также невербальные вспомогательные средства [13, с. 522].

Таким образом, интенция как своего рода коммуникативное задание высказывания – это определённая цель коммуниканта как инициатора диалога или какого-либо иного акта коммуникации, которую он ставит перед собой, обращаясь к своему собеседнику, и эта цель схематично может быть сведена, как правило, к следующим трём основным установкам говорящего:

1) проинформировать собеседника, т.е. что-то сообщить ему, 2) получить от собеседника нужную информацию в виде ответа на поставленный ему вопрос, 3) выразить своё волеизъявление, которое направлено на осуществление или неосуществление собеседником некоего действия, указанного говорящим. Лингвистическая маркировка этих установок соотносится с тремя основными типами предложений при их традиционной классификации по цели высказывания: повествовательными, вопросительными и побудительными.

К этим же типам предложения можно, по всей вероятности, свести и те лингвистические фигуры, которые, раскрывая суть соответствующего понятия, так или иначе иллюстрируют речевую интенцию. Такую попытку делает И.П. Суима применительно к современному английскому языку, когда представляет интенцию тремя её грамматическим разновидностям, непосредственно связанными с коммуникативным заданием соответствующих речевых образований и противопоставленными друг другу в таких основных типах интенции, как 1) ин-

тенция-информирование, 2) интеррогативная интенция и 3) интенция-волеизъявление [14, с. 443]. Уместен, правда, вопрос, правомерно ли при наличии самых разных систем классификации простых предложений по цели высказывания регламентировать интенцию только тремя указанными её типами и не приведёт ли это к нивелировке толкования речевой интенции и коммуникативного задания. высказывания. Тем не менее мы полагаем, что при должной разработке собственно лингвистических аспектов интенции указанная её трактовка внесла бы в проблематику, связанную с этим понятием, больше определённости и существенно упростила бы её метаязыковую составляющую хотя бы в той части, где речь идёт об ориентации нашего сознания на конкретный объект в его, надо полагать, вербальном представлении.

Цель статьи – определить лингвистическую сущность понятия интенции и, в частности, речевой интенции как грамматической категории целевого назначения и показать те лингвистические параметры, которые дают возможность противопоставить соответствующий термин тому, что принято называть целью, или коммуникативным заданием, высказывания.

Изложение основного материала. Свести воедино лингвистические и психологические параметры интенции как общенаучной категории, подвести методологическую базу языковедения под методологию психологии, а в особенности логики или, скажем, философии, в силу целого ряда объективных причин чрезвычайно трудно. И поэтому мы считаем необходимым развести, как минимум, две, на наш взгляд, совершенно различные, хотя и пересекающиеся как в плане содержания, так и в плане выражения сущностные ипостаси интенции – её психологическую составляющую в соответствующем речевом проявлении и собственно лингвистическую.

В психологии и при общенаучном толковании понятия интенции ведущие её свойства и характеристики лежат, очевидно, в плоскости семантики, а конкретнее – функциональной семантики. И это совершенно естественно, поскольку психологическая установка на определённого рода результат общения как межличностного контакта, на достижение какой-то цели должна быть обозначена, прежде всего, содержательно. У коммуникантов есть цель, а значит, должна быть и конкретная прагматическая установка на её достижение, требующая чёткого содержательного осмысления всего, что касается не только самой этой установки, но и её речевой, вербальной репрезентации. Нужно осмыслить реалии соответствующей коммуникативной ситуации, вникнуть в логику проблемы и, наконец, построить алгоритм своего речевого поведения, что возможно только при полном погружении в семантическую составляющую мыслительной деятельности, а значит, и в сопутствующие ей речевые образования интенционального характера. Интенция при этом может проявить себя в той или иной из самых разных её форм, максимально способствующих осуществлению намерения определённого субъекта и достижению поставленной им при соответствующих обстоятельствах цели. Доминирует здесь, в конечном итоге, план содержания.

В речевой же практике, как правило, требующей адекватного обозначения характера используемых коммуникантами лингвистических фигур, довольно часто могут доминировать какие-то формальные, связанные главным образом с планом выражения, грамматические и стилистические их параметры. Так, интеррогативная, по И.П. Суиме, интенция как установка на получение информации или, скажем, волеизъявление могут

быть актуализированы не только в каком-то из типов вопросительного и, соответственно, повелительного предложения (например: *Где ты был?* и *Всем оставаться на местах!*), но и во фразах с явными, во всяком случае фрагментарно, формальными показателями как вопросительности (*Не скажете ли Вы мне, когда отправляется поезд в Киев?*), так и иной цели высказывания, т.е. при информировании (*Мне сказали, когда отправляется поезд в Киев*) и волеизъявлении (*Скажите мне, когда отправляется поезд в Киев*). И доминирует при квалификации такого рода фраз уже не столько содержание соответствующих речевых образований, поскольку, по существу, в этих разнооформленных конструкциях одна и та же интенциональная направленность, ориентированная на информацию о времени отправления поезда в Киев, сколько их план выражения, позволяющий, исходя из собственно лингвистических параметров соответствующих речевых образований, свести их к грамматической целевой установке, а уже затем так или иначе определиться с их реальной интенциональностью. Предложения типа *Я хочу уснуть* и *Дайте мне возможность уснуть* мы должны, по-видимому, квалифицировать в соответствии с такой логикой, да и правилами грамматики как повествовательное и побудительное, а не как оптативные, хотя в первом из них явно выражено некое желание говорящего, а во втором – его волеизъявление. Установка же на определённый тип интенции формально ничем не обозначена, и актуализируется она в результате осмысления конкретного высказывания в определённой коммуникативной ситуации.

Думается при этом, что именно грамматические, а, по возможности, ещё и формально обозначенные характеристики соответствующих речевых образований могут предоставить исследователю возможность указать дифференциальные признаки этих фигур, осуществить типологическую классификацию различных интенциональных построений в заданном языке и описать объективно мотивированную систему тех коммуникативных единиц, которые прямо или опосредованно соотносятся с такими построениями, описать, например, как это делает И.П. Суима, систему респонсивных предложений [15, с. 49–84]. Другое дело, можно ли свести интенцию к трём основным типам её функционального проявления: информированию, интеррогативу и волеизъявлению – и абсолютизировать трёхкомпонентную систему классификации предложений по цели высказывания. У лингвистов на этот счёт разные точки зрения.

О. Есперсен разделял предложения в зависимости от их коммуникативного задания (коммуникативного влияния) на две группы: 1) наличие влияния, дифференцирующиеся на просьбу и вопрос, и 2) отсутствие влияния, как это имеет место в предложениях утверждения, восклицательных и желательных, которые могут быть высказаны при отсутствии собеседника [4, с. 233–236].

О. Мельничук выделил семь различных по их коммуникативному заданию типов предложения: повествовательные, вопросительные, побудительные, оптативные, пересказательные, вероятные, гипотетические [8, с. 58–67], К. Бругман – восемь: восклицательные, желательные (оптативные), призыв, уступка, угроза, отказ, заявление о воображаемой реальности, вопросительные [17, с. 123–145]. Некоторые же лингвисты по цели высказывания противопоставляют только два основных типа предложений:

Авторы «Русской грамматики», например, выделяют вопросительные и невопросительные предложения [10, с. 88]; Л.С. Бархударов – побудительные и непобудитель-

ные [1, с. 156–157]; И.П. Распопов – только вопросительные и повествовательные [9, с. 24–25].

Следует, однако, заметить, что, с одной стороны, практически все типы предложений, выводимых за рамки трёхкомпонентной системы, без сколько-нибудь существенных для изучения и описания грамматического строя какого-либо конкретного языка потерь могут быть, по нашему мнению, подведены под какое-то из предложений трёхкомпонентной системы. С другой же стороны, и более общие системы, скажем, предложенная авторами «Русской грамматики» двухкомпонентная система, противопоставляющая невопросительные и вопросительные предложения [10, с. 418–467], расширяется во второй её составляющей таким, скажем, подтипами, как предложения общевопросительные, частновопросительные и др. [10, с. 462–467], а в первой – двукомпонентными и однокомпонентными предложениями [10, с. 418–459].

И в этом плане традиционная трёхкомпонентная система, включающая в себя повествовательные, вопросительные и побудительные предложения, имеет, очевидно, не меньше, чем любая другая, оснований представлять грамматическую категорию целевого назначения.

Выводы. Лингвисты зачастую выделяют только три основных вида речевой интенции: повествование, вопрос и волеизъявление – и реально соотносят их в русской грамматике с тремя типами предложений, традиционно квалифицируемых по цели высказывания в качестве повествовательных, вопросительных и побудительных. При этом лингвистически значимые параметры интенции, соотносящейся с тем или иным типом предложения, и характер коммуникативного задания соответствующего высказывания как синтаксической категории целевого назначения чётко друг другу не противопоставляются. Довольно часто, особенно в теоретических разработках, соответствующие понятия вообще нивелируются и связываются с одним и тем же лингвистическим явлением, одинаковыми речевыми фигурами, по-разному, правда, интерпретируемыми. В принципе, речевая интенция и цель, или коммуникативное задание, высказывания – это совершенно разные, хотя и образующие неразрывное единство, вещи, относящиеся к содержанию и форме некоего речевого акта.

По сути своей, интенция категориально проявляет себя в плане содержания и может быть соотнесена с различным её материальным представлением, разными типами предложения, тогда как лингвистическая сущность цели высказывания представляет собой, главным образом, план выражения, модель построения того или иного речевого образования и является своего рода формой предложения, с варьируемым его коммуникативным заданием, а, соответственно, и с возможностью различной речевой репрезентации разных намерений, установок и целей говорящего.

Литература:

- Бархударов Л.С. Структура простого предложения современного английского языка / Л.С. Бархударов. – М.: Высшая школа, 1966. – 201 с.
- Большой толковый психологический словарь / Робер Артур (Penguin). Т. 1 (А–О): Пер. с англ. – М.: Вече, АСТ, 2000. – 592 с.
- Великий тлумачний словник сучасної української мови (з дод. і допов.) / Уклад. і голов. ред. В.Т. Бусел. – К.; Ірпінь: ВТФ «Перун», 2005. – 1728 с.
- Есперсен О. Философия грамматики / О. Есперсен. – М.: Издательство иностранной литературы, 1958. – 331 с.
- Кондаков Н.И. Логический словарь / Н.И. Кондаков. – М.: Наука, 1971. – 656 с.
- Ломов А.М. Словарь-справочник по синтаксису современного русского языка / А.М. Ломов. – М.: Восток-Запад, 2007. – 416 с.
- Матвеева Т.В. Полный словарь лингвистических терминов / Т.В. Матвеева. – Ростов-на-Дону: Феникс, 2010. – 263 с.
- Мельничук О.С. Развитие структуры слов'янського речення / О.С. Мельничук. – К.: Наукова думка, 1966. – 324 с.
- Распопов И.П. Строение простого предложения в современном русском языке / И.П. Распопов. – М., 1970. – 131 с.
- Русская грамматика / под ред. Н.Ю. Шведовой и В.В. Лопатина. – 2-е изд., испр. – М.: Рус. яз., 1990. – 340 с.
- Селіванова О.О. Лінгвістична енциклопедія / О.О.Селіванова. – Полтава: Довкілля-К, 2011. – 844 с.
- Советский энциклопедический словарь / под ред. А.М. Прохорова. – 2-е изд. – М.: Сов. энцикл., 1983. – 1600 с.
- Стариченко В.Д. Большой лингвистический словарь / В.Д. Стариченко. – Ростов-на-Дону: Феникс, 2008. – 811 с.
- Суима И.П. Речевая интенция и речевая реакция как функциональная сущность речевого акта / И.П. Суима // Науковий вісник Східноєвропейського національного університету імені Лесі Українки. – Серія: Філологічні науки. – 2017. – № 3 (352). – С. 441–446.
- Суима И.П. Понятие респонсивного предложения в английском языке / И.П. Суима // Лінгвістика. Лінгвокультурологія. – Т. 10. – Дніпро: Акцент ПП, 2017. – С. 49–84.
- Философская энциклопедия / гл. ред. Ф.В. Константинов. – М.: Сов. энцикл., 1962. – Т. 2. – 576 с.
- Brugman K. Verschiedenheiten der Satzgestaltung nach Maßgabe der seelischen Grundfunktionen / K.Brugman. – Sachs: Ges. D. Wiss., 1918. – 372 s.

Меньшиков І. І. Мовленнєва інтенція та комунікативне завдання висловлювання

Анотація. Мовленнєва інтенція і мета висловлювання утворюють нерозривну єдність, але являють собою різні лінгвістичні явища, перше з яких категоріально проявляється в плані змісту, друге являє собою головним чином план вираження, форму речення з варійованим його комунікативним завданням.

Ключові слова: мовленнєва інтенція, мета висловлювання, план змісту, план вираження, форма речення.

Menshikov I. Speech intention and communicative task of the utterance

Summary. The speech intention and the purpose of the utterance form an inseparable unity, but they represent different linguistic phenomena, the first of which is categorically manifested in terms of content, the second is mainly the plan of expression, the form of the sentence with its varied communicative task.

Key words: verbal intention, purpose of utterance, plan of content, plan of expression, form of sentence.